

Демографические концепции российских социологов (М.Ковалевский, К.Тахтарев, П.Сорокин) на рубеже XIX XX веков

Злотников А.Г.

Рассматриваются методологические подходы демографических концепций М. Ковалевского, К. Тахтарева, П. Сорокина и генезис их демографических взглядов. Анализируется сущность плюралистической социологии М. Ковалевского – теории факторов на генезис семейных отношений. Рассматриваются взгляды К. Тахтарева по семейно-брачным отношениям исходя из генезиса и эволюции одних социальных институтов во взаимосвязи с другими общественными формами. Анализируются положения теории «социокультурного сцепления», кризиса семьи, динамики социокультурных и демографических процессов П. Сорокина. Раскрываются основные идеи концепции экономики «семья-хозяйство», ее взаимосвязь с концепцией А. Чаянова.

Ключевые слова: теория факторов, эволюция семейно-брачных отношений, кризис семьи, демографические процессы, демографический кризис, «социокультурное сцепление», социальная организация, крестьянская семейственность, «корневая семья», дезинтеграция общечеловеческих ценностей.

Zlotnikov A.G.

Demographic Concepts of Russian Sociologists (M.Kovalevsky, K.Tahtarev, P.Sorokin) on the Border of XIX – XX centuries

Methodological approaches of M. Kovalevsky's, K. Tahtarev's, P. Sorokin's demographic concept and the genesis of their demographic views are regarded. The essence of M. Kovalevsky's pluralistic sociology – theory of factors in the genesis of family relations is analyzed. Views of K. Tahtarev's on family and matrimonial relations regardedly to the genesis and evolution of social institutions in connection with other social forms are regarded. Sorokin's headlines theory of "sociocultural cohesion", family crisis concept of sociocultural and demographic processes dynamics are analyzed. The main ideas of economy concept "family-household" and its interconnection with A Chayanov's concept are outlined. Key words: theory of factors, evolution of family and matrimonial relations, family crisis, demographic processes, demographic crisis, "sociocultural cohesion", social organization, peasant familing, "root family", disintegration of human values.

Сегодня, как и 750 лет тому назад, в эпоху создания «Слова о полку Игореве», как и 250 лет тому назад, когда М.В. Ломоносов предлагал свой проект «О размножении и сохранении российского народа» нас волнует демографическое будущее славянского этноса. Нас беспокоят депопуляционные процессы в Беларуси, России и Украине, которым следует поставить преграду, проводя активную пронаталистскую политику.

Формирование научных знаний о демографическом развитии в России началось на рубеже XVII–XVIII вв. Интересно, что одним из первых демографических законодательных актов России был посвящен проблеме качества населения. Это был изданный в апреле 1722 г. Указ Петра I «О свидетельствовании дураков в Сенате», а также последующее (декабрь 1723 г.) решение Сената о проведении такого освидетельствования. Его необходимость была вызвана уклонением некоторых дворянских детей от обучения и государственной службы под предлогом юродства и слабоумия от рождения. Этими законодательными актами решались две задачи. Одна из них – выявление настоящих психических больных в дворянских семьях

с последующим государственным наблюдением над имуществом сумасшедшего и запретом таким людям вступать в брак. И вторая – выявление дворянских детей, уклоняющихся от государственной, воинской службы и обучения.

Те проблемы, которые волновали российскую общественность XVIII века и остающиеся злободневными и ныне, отразил Михаил Васильевич Ломоносов. Это его письмо к графу И.И. Шувалову (от 1 ноября 1761 г.) «О размножении и сохранении российского народа» [1], в котором М.В. Ломоносов среди важнейших социально-экономических и политических проблем (о размножении и сохранении российского народа; об истреблении праздности; об исправлении нравов и о большем народе просвещении и др.), подлежащих разработке, выделяет проблемы демографического характера. Но, к сожалению, данные его размышления были опубликованы только в XIX в.

Наиболее активно демографические проблемы стали исследоваться в России социологами на рубеже XIX – XX веков. Прежде всего существенный методологический интерес представляют

взгляды М.М. Ковалевского, К.М. Тахтарева и П.А. Сорокина. Хотя их демографические концепции и методологические позиции и различаются, но сквозной мыслью их является понимание доминирующей роли социокультурных и социально-экономических факторов в демографических процессах.

Первый российский профессиональный социолог европейского масштаба, современник Э. Дюркгейма и М. Вебера, Максим Максимович Ковалевский различные аспекты демографических проблем рассматривает в следующих своих работах: «Современный обычай и древний закон» (Вып. 1-2, 1886 г.), «Первобытное право» (Вып. 1-2, 1886 г.), «Закон и обычаи на Кавказе» (Т.1-2, 1890), «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (Т. 1-3, 1898-1903 гг.), «Развитие народного хозяйства Западной Европе» (1899 г.), «Современные социологи» (1905 г.), «Социология» (Т. 1-2, 1910 г.), также в лекциях в Стокгольмском университете «Очерках происхождения и развития семьи и собственности» (1890 г.) и частично в других работах.

Основной социологической концепции М. Ковалевского, в т.ч. и в отношении демографических процессов был плюралистический подход, о чем он писал в предисловии к своей книге «Современные социологи»: «Я думаю, что выражу не только кратко, но и весьма определенно мою заветную точку зрения, сказавши, что социология в значительной степени выпирает от того, что забота об отыскании фактора, да вдобавок еще первичного и главнейшего, постепенно будет исключена из сферы ее ближайших задач, если в полном соответствии со сложностью общественных явлений она огра-

ничится указанием на одновременное и параллельное воздействие и противодействие многих причин» [2, с. 14].

Современники М. Ковалевского его труд «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (на русском языке вышло три тома, а на немецком – 7 томов, последний в 1905 г.) ставили в один ряд с работами К. Маркса, Г. Зиммеля и В. Зомбарта. С демографических позиций в его структуре плюралистической социологии – теории факторов (позже плюралистическая теория факторов М.М. Ковалевского будет развита его последователем П.А. Сорокиным) – эта его трехтомная работа может рассматриваться и как опыт изучения влияния роста населения на социальную жизнь людей: «важнейшим фактором эволюции (форм народного хозяйства) является в каждый данный момент и в каждой данной стране рост населения, булышная или меньшая его густота, от которой зависит прежде всего выбор форм производства, а затем зависят размеры и порядки фактического владения землей и сам характер общественных отношений» [3, с. 7–8]. И потому он считал главным двигателем экономического прогресса увеличение массы и плотности населения, которое он назвал «демотическим фактором», трактуя его как биосоциальное явление. Вообще для анализа экономического роста Европы население (демографический фактор) выступает в качестве «независимой переменной» сложного функционального ряда: густота населения влечет прежде всего изменения форм народного хозяйства. Говоря о роли различных факторов в демографическом развитии он подчеркивает роль экономического фактора; но в проти-

вовес марксистской концепции этот фактор у него доминирующим выступает только на ранних стадиях развития общества.

Однако абсолютизация факторного подхода не позволила ему сделать анализ населения как элемента обществ. Да, он и не ставил такую задачу, хотя демографическим аспектам он посвятил несколько своих работ. В частности, его «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» посвящен, во-первых, характеристике («критике») теорий происхождения и развития семьи, и, во-вторых, анализу генезиса различных форм семьи – прежде всего тому, что «матриархальная, патриархальная и индивидуальная семья были тремя преемственными фазами одного и того же развития» [4, с. 7].

Рассматривая историю разных народов в разные времена в рамках теории прогресса («без идеи прогресса не может быть и социологии» утверждал М.М. Ковалевский), он анализирует периоды их развития, а также исследует причины эволюции семьи: «Я полагаю, что довольно ссылки на факты тождества физической и психической природы людей и на вероятность развития их способностей под влиянием приспособления или воспитания, чтобы объяснить причины по которой на значительных расстояниях, временных и пространственных, могут повторяться, если е те же, то однохарактерные общественные явления». В этой связи его заслугой прежде всего является ввод в анализ развития семейных отношений разнообразного этнографического и исторического материала тогдашних российских – кавказских народов, а также, что было отмечено при характеристике социолого-демографической концепции О. Конта, форм семей-

ных отношений Востока, игнорирование которых составило ошибку Огюста Конта [5, с. 12].

В доработанном сочинении «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс ссылается на серию лекций М.М. Ковалевского в Стокгольмском университете, первоначально вышедшей французском языке в 1890 г., а также на еще более раннюю его книгу «Первобытное право». Он высоко оценивает исследование М.М. Ковалевским исторической роли большой семьи, или патриархально-семейной общины, как формы разложения рода: «мы обязаны Максиму Ковалевскому доказательством того, что патриархальная домашняя община образовали переходную ступень от семьи, возникшей из группового брака, основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира» [6, с. 61-62].

Его исторический анализ семейно-брачных отношений основывается на так называемом *генетическом принципе*, который требует рассмотрения социального генезиса и эволюции одних социальных институтов в связи с прочими общественными формами: государственные институты развиваются в связи с развитием семьи, рода, собственности и психической деятельности. В свою очередь, семейные отношения, демографические процессы функционируют в связи с развитием государственных институтов.

Эти положения развил последователь М.М. Ковалевского, первый профессиональный преподаватель социологии в России, Константин Михайлович Тахтарев. Именно по рекомендации Ковалевского Тахтарев стал первым профессором социологии. Семейные отношения, во-первых, он выво-

дил из чувственных половых отношений, в которых «имеет большое значение удовлетворение потребностей осязания и телесное слияние с другим существом» [7, с. 58]. Во-вторых, в этих отношениях важное место принадлежит любви: «конечно, в нашей нравственно-волевой жизни нами двигают наши собственные потребности, влечения, стремления и желания. Но чувство любви к другим людям, сочувствие им придает нашим нравственно-волевым движениям и действиям совсем особый характер и отпечаток» [8, с. 60]. В-третьих, К. Тахтарев на этой основе показывает социальную сущность отношений между мужчинами и женщинами: «известная пошлая русская поговорка – «женщина – не человек» – в данном случае не более верна, чем противоположное утверждение, говорящее, что и мужчина – не человек. Ибо взятые в отдельности и мужчина и женщина суть лишь дополняющие друг друга половины одного и того же человеческого существа. В отдельности друг от друга они не способны даже размножаться и продолжать свое существование дальше известного момента, не говоря о том, чтобы жить полной человеческой жизнью. Только взятые вместе, только в общении друг с другом, только в сожитии представляют они собой действительно цельного человека, образующего то семейное сожитие, которое считают настоящей основой всей общественной жизни. Вся наша брачная и семейная жизнь состоит в общении личностей разных полов и возрастов с целью совместного удовлетворения всевозможных потребностей. И это общение представляет собой нечто до того целостное и замкнутое, до того близкое к личности, что некоторые социологи, как

Конт и Ле Пле, утверждали даже, что настоящей, простейшей и мельчайшей общественной единицей следует считать не отдельную личность, а отдельную семью или брачное сожитие, и что человеческое общество состоит не из личностей, а из семей» [9, с. 93]. Но при этом такое «сожитие, хотя и оно проявляется в различных формах брачного и семейного общения его членов, не есть то, что называется обществом» [10, с. 137]. Это и, в-четвертых, о роли, соотношении семьи и общества, которая в традиционной современной формулировке гласит, что семья является первичной ячейкой общества.

И наконец, в-пятых, К. Тахтарев, как и большинство мыслителей его времени, уделяет внимание генезису брачных отношений и роли тех или иных факторов этого генезиса: «В области генетической жизни, брачной и семейной, мы видим различные отношения, которые возникают на почве различных форм брачного и семейного общения людей» [11, с. 554]. Так, «брачная жизнь может служить в этом отношении не менее наглядным и поучительным примером. И в этой области мы видим то же господство обычаев, которые в данном случае свидетельствуют об упорядоченности брачной жизни людей. Новые брачные отношения возникают на почве новых форм брачных отношений людей. Таковы различные формы брака: группового брака, многоженства, единобрачия. Все эти формы точно также носят вначале как бы случайный характер действий отдельных людей, которые руководятся лишь своими страстями. Не менее случайный характер носят вначале и общественные отношения, возникающие на этой почве. По мере того как отдельные случаи

новых брачных отношений и группировок повторяются, они входят в жизнь. Известная степень повторяемости делает их новым обычаем. Новые брачные отношения, конечно, не встречают себе сочувствия со стороны большинства тех, которые держатся старых брачных обычаев. Против новых брачных отношений обыкновенно начинается борьба; она делит их сторонников и противников на две враждебные общественные группы людей, относящихся сознательно к новому явлению в брачной жизни сообщественников. Но, в конце концов, новые обычаи в области половой и семейной жизни упорядочиваются общественной властью, не только получают общественное признание, но и превращаются в настоящие общественные учреждения. Они заменяют собою старые брачные отношения и означают совершенно новый уклад данной стороны жизни» [12, с. 513-514].

Среди новых форм отношений, роли тех или иных факторов К. Тахтарев выделяет любовь: «Как часто даже брачная жизнь богачей уродуется из-за извращенной, ненасытной страсти к дальнейшему обогащению. Как часто потребность в личной любви принисывается в жертву большим материальным удобствам и роскошествам жизни. Брак по расчету есть явление общее почти всем слоям общества. Но что значит брак по расчету, как не господство других сторон жизни над потребностью личной любви. Таков обычный уклад жизни людей, для которых жертвование материальными благами жизни ради брака по любви является не правилом, а исключением» [13, с. 518]. Вместе с тем, говоря о целостном соотношении различных сторон человеческой жизни, где «экономическая сторона

*П. А. Сорокин
в период выборов
в Учредительное собрание.
1917 г.*

имеет первенствующее значение», «поскольку последние обуславливают собой другие области жизни», он утверждает, что «стоит только произойти какому-нибудь крупному изменению в области экономической жизни, оно неизбежно отражается и на семейной, и на умственной, и на политической сторонах жизни людей. Распространения обмена, денежного хозяйства, машинизма, крупного производства неизбежно внесли изменения не только в экономическую жизнь. Они повлияли не менее неизбежным образом и на формы брака ... Они сделали невозможным прежние формы крепостничества, прежнюю степень подчинения женщины мужчине; детей власти отца» [14, с. 521]. В свою очередь «уплотнение населения и увеличение потребностей

бесспорно возбуждают и усиливают технико-экономическую деятельность людей, которая является первенствующим фактором общественной жизни» [15, с. 522].

Анализ демографических процессов в теории П. Сорокина занимает видное место. Их трансформацию он рассматривал через тенденции, характерные для кризисных эпох. Эта связь кризисной эпохи и демографических процессов рассмотрена им, во-первых, на материалах революции, во-вторых, на генезисе аграрного сектора общественной жизни, и, в-третьих, на динамике социокультурных процессов. Первая отражена в работах «Социология революции», «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь»; вторая – в совместной с Карлом Циммерманом «Принципах социологии города и села»; третья – в «Кризисе нашего времени».

Анализ П.А. Сорокиным многочисленных социальных фактов позволяет ему выделить «ритмику» исторических событий. Эти ритмы социальных явлений являются его фирменным знаком. Именно с позиций социологического историзма в «Элементарном учебнике общей теории права в связи с учением о государстве» он рассматривает правовые аспекты демографических процессов, отражающие «освобождение личности от уз касты, сословия, класса, церкви, семьи и государства»: «Раньше личность была поставлена под опеку семьи. Выйти из-под нее она не могла. Дети опекались родителями, женщины – мужчинами, все члены – главой семейства. Связь родителей с детьми была принудительной, связь мужа с женой также, формы брака обязательны, развод недопустим.

На протяжении истории и в этой области произошли громадные изменения, сводившиеся к освобождению личности от принудительных связей семьи. Женщина освободилась из-под опеки мужа, дети также. Власть родителей над ними сведена до минимума ... Точно также ослабляется и принудительная связь родителей и детей, мужа с женой. Современное семейное законодательство увеличивает свободу развода и предоставляет супругам возможность разорвать мучительную для них принудительную связь. Короче, и здесь принудительная связь заменяется добровольной. И здесь личность уничтожает те формы семьи и брака, которые связывают ее, с одной стороны, с другой – перестали быть общественно полезными. Ко многим формам саморазделения наше время присоединила добавочную: «*семейное самоопределение личности*» [16; 200].

Демографическая концепция П. Сорокина, изложенная им в «Социологии революции», а также «Голод...», противоположна той «марксистской» концепции, которая была представлена в популярном учебнике Н.И. Бухарина по марксистской социологии «Теория исторического материализма». Сорокин, критикуя монизм Бухарина, в основу своей аргументации берет сложный многофакторный характер демографических процессов. Если Н. Бухарин в качестве фактора, определяющего демографическое развитие рассматривает только уровень развития производительных сил, то П. Сорокин указывает и на влияние других факторов. Говоря о развитии производительных сил, он отмечает, что они не только влияют (хотя и не всегда) на демографические процессы, но и сами де-

мографические процессы влияют на уровень и развитие и производительных сил. В частности, Сорокин пишет, что кроме (а) состояния производительных сил «играет роль и раса (б), и характер природной среды (в), и характер рефлексов населения (г) и т.д.». И он констатирует, что «из изучения о равновесии общества следует, что для существования его необходимо не только воспроизводство средств производства, но и самих людей, иначе общество вымрет. А отсюда следует роль демографического фактора». Однако «не всегда рост производительных сил влечет рост населения. Но не столь ли же верно и обратное положение, гласящее: быстрота размножения, степень плотности и количества населения обуславливают и движение производительных сил ... мы здесь имеем отношение взаимозависимости и демографического фактора» [17; 213-214].

Существенным негативным фактором демографических процессов начала XX в. стал голод как результат истребления производительных сил в годы первой мировой войны. В работах «Социология революции», «Голод как фактор» он дал классический анализ демографических последствий голода: «голод и мирная эмиграция»; «голод и война (насильственная эмиграция, иммиграция и захват достояния других стран)» [18; 231-320]. В них демографические показатели рассматриваются в такой последовательности: положительный и отрицательный прирост населения, суицидальная динамика, стратификационная динамика, связанная с изменением качества жизни и ее воспроизводства. Подход, в котором в основу положены демографические показатели социальных изменений, позволя-

ет ему выявить объективные условия не только протекания демографических процессов, но и через них выявить объективные условия возникновения кризисных явлений. Именно демографический кризис у П. Сорокина является, с одной стороны, предвестником глобальных кризисных процессов, а с другой – их результирующим показателем.

В частности, в работе «Социология революции» им сделан детальный анализ изменений поведения людей в революционные эпохи: влияние революции на состав населения, его смертность, рождаемость и брачность. Его выводы основываются на многочисленных фактах не только русской, но и средневековых революций в Европе – английской, французской и германской революций Нового и Новейшего времени.

Основной методологический подход П.А. Сорокина состоит в том, что факты (в духе социологии «социальных фактов» Э. Дюркгейма) являются отправными при анализе социальной действительности: социология «должна отправляться от факта, идти к фактам и кончать фактами. Короче, эта мысль гласит: «Хорошая статистическая диаграмма стоит гораздо больше, чем обширный социально-философский трактат» [19; 534]. Следует отметить, что, несмотря на концептуальные политические разногласия с П. Сорокиным, В.И. Ленин почти аналогично сформулировал задачу (методологическое кредо) социологии: «Подобрать примеры вообще – не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаях. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и,

безусловно, доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже» [20; 350]. Питирим Сорокин считает, что «факты – упорная вещь» [21; 391]. В целом, это методологическое значение фактов созвучно положению Генри Бокля, констатировавшего, что «истинное знание состоит не в знакомстве с фактами, которое делает человека лишь факдантом, а в использовании фактов, которое делает его философом».

На основе дюркгеймовского подхода анализа самоубийств П. Сорокин выдвигает концепцию «социокультурного сцепления»: «Когда вся сеть социальных отношений хорошо интегрирована, то тогда существует высокая степень социального сцепления; люди ощущают себя жизненными частями общества, к которому они принадлежат, рассматривая данное общество и культуру как нечто целое» [22; 168].

Важное место в демографических взглядах Питирима Сорокина занимает совместная с Карлом Циммерманом работа «Принципы социологии города и села» (позже вылившаяся в трехтомную «Антологию сельской социологии» [23; 49], в которой упадок сельского уклада связывается с культурным кризисом. Отталкиваясь от общего понимания природы крестьянства в России и фермерства в США, П. Сорокин и К. Циммерман показывают, что семейное хозяйство адекватно сельскохозяйственной организации, в которой дом и работа, земля и семейная общность институализированы в живую систему, которая стремится сохранить себя через поколения. Если система сельской

экономики «семье-хозяйство» сокращается и приходит в упадок, то и семья, занимающаяся фермерством также разлагается, тем самым формируя социокультурную тенденцию к «атомизации семейных отношений», уже не имеющих никаких ограничений. В итоге само общество приходит к своему закату как созидательной ценности.

Рассматривая сельскую социальную организацию в ее функциональных и культурных аспектах, П. Сорокин, как и М. Ковалевский, как и К. Тахтарев, за исходную единицу анализа берет семью как базовую категорию, как базовое социокультурное явление сельской жизни. Крестьянская семейственность выступала фундаментальной чертой социальной и политической организации сельскохозяйственных сообществ. В его исследовании крестьянской семьи как клеточки сельской социальной организации лежат, во-первых, концепция «корневой семьи» Ф. Ле Пле и, во-вторых, семейно-трудовая концепция А. Чаянова, у которого, можно предположить, вероятно, эта идея Сорокиным была позаимствована (попутно, отметим, что П. Сорокин, А. Чаянов и Н. Кондратьев входили в последний состав Временного правительства России. И это их сотрудничество сказалось на восприятии и прочих идей друг друга). Семья П. Сорокиным исследовалась в динамике влияния на них урбанизации, вызвавшей ряд позитивных и негативных последствий: с одной стороны, улучшение уклада жизни, повышение технических возможностей для сельскохозяйственной деятельности, с другой, — ослабление социального контроля, роста преступности, безнравственности и несдержанности.

В качестве альтернативы кризисной семьи им принята концепция «корневой семьи» Фредерика Ле Пле, утверждавшего, что такая семья обеспечивает должным образом родительский контроль: в системе родовой семьи отец и мать выполняли роль духовных наставников. Он стремился обнаружить признаки корневой семьи во всех наиболее значимых периодах человеческой истории. «Корневая семья» представляет собой нечто большее, чем нуклеарная чета мужа и жены; охватывая расширенное родство, она являет собой не просто значимую, а зачастую направляющую и ведущую силу человеческого развития. У Сорокина сила семьи основывается на владении земельным участком и всеми необходимыми условиями для автономного хозяйства: устойчивой привычкой к работе, приобщением к наследственным ценностям, внутренней самодостаточностью для преодоления кризисов, и наконец, устремленностью к рождению и воспитанию детей [24; 16].

В «Кризисе нашего времени» П. Сорокин подчеркнул связь между возрастающим беспорядком, с одной стороны, также сокращением числа детей и атрофией семейных функций — с другой. Утрата семейных функций в ходе движения от «корневой семьи» приводит ко многим последствиям, а в демографическом плане — падению рождаемости. Вопросы населения и вопросы семьи в большинстве своих аспектов совпадают: «население, стабильно уменьшающееся, — считает он, — недопустимым для выживания нации». И потому прямым показателем здоровья нации является высокая рождаемость. Уменьшение размеров семьи явилось результатом урбанизации и «умственной моральной и

физической патологии» городского образа жизни [25; 25]. Если в Америке когда-нибудь будет проводиться политика повышения рождаемости в целях прироста населения, то наиболее эффективной она окажется в сельских районах, считает он. Сорокин и Циммерман соглашались с мнением Вестремарка, рассматривавшем вероятность «исчезновения брака». Последний был убежден, что далее главные функции семьи «будут уменьшаться, пока семья не станет случайным сожителем мужнины и женщины, а дом окажется ночной «парковкой» ради сексуальных встреч» [26; 25]. В таком понимании отражается главнейшее обстоятельство изменения содержания демографических процессов – их взаимосвязь с изменениями в социально-трудовых отношениях.

В целом социолого-демографическая концепция кризиса семьи П. Сорокина рассматривается в контексте кризиса как феномена культуры, как дезинтеграции общечеловеческих ценностей. Особенность демографической концепции П. Сорокина состоит в его акцентировании на нравственно-психологическом аспекте кризиса (дезинтеграции) общечеловеческих ценностей. Во времена кризисов большинство стремится к удовлетворению экономических интересов, меньшинство ориентировано на альтруистическую (в том числе и демографического плана) активность. Преодоление кризиса П. Сорокин видит в перестройке ценностей, среди которых особая роль принадлежит альтруистической любви. Проблема любви была поднята еще Ф. Бэконом, немалую роль ей отводили и О. Конт, и К. Тахтарев. Питиримом Сорокиным Любовь рассматривается как Добро, Истина, Красота, являющиеся высши-

ми формами энергии. Энергия любви – энергия жизни, которая проявляется в предотвращение самоубийств, влиянии на продолжительность жизни, состоянии здоровья, а в целом в воздействии на социальную, культурную жизнь.

Конечно, автор концепции альтруизации не настолько наивен, чтобы довериться власти любви в деле изменения правителей и человечества. Но тем не менее на Любовь в отличие от предшественников, у него возложены великие надежды, прежде всего в деле «морального обновления правительства». В условиях глобального системного кризиса социума никакие отдельные личности не могут его преодолеть; только глобальная целостная переориентация внутри общества – гарант стабилизации общества, его процветания. В демографической сфере это означает проведение политики, ориентированной на создание концентрированной системы ценностей, норм, выступающей материальной, этической основой крепкого брака, укрепления человеческого генофонда.

Таким образом, экскурс в демографическое творческое наследие М. Ковалевского, К. Тахтарева и П. Сорокина, в историю развития социолого-демографического знания в России на рубеже XIX – XX веков выявляет:

Ц рост интереса и понимания сложности демографических процессов и явлений;

Ц многогранность аспектов демографических процессов и прежде всего их взаимосвязь и детерминированность различными явлениями общественной жизни;

Ц сложность предмета социолого-демографических исследований – воспроизводства населения, где выявились различные теоретические направления (анализ собственно де-

мографических процессов, выявление экономических соотношений между различными поколениями и социально-демографическими общностями, анализ взаимодействия демографического производства и социально-экономического развития);

Ц исторический характер демографических процессов, отражающий их «ритмику», их постоянное развитие и изменение;

Ц высокую значимость социологической интерпретации демографических процессов;

Ц предшествующими поколениями российских мыслителей были заложены основы осмысления демографических процессов, имеющие ценное методологическое значение для современного демографического знания.

Важно и то, что, если в Западной Европе была высока озбоченность, идущая от Дж. Ортега, Т. Мальтуса, Д. Рикардо и С.Симонди, «чрезмерным» ростом численности населения, то в России вследствие ее геополитических особенностей в решении противоречивого характера общецивилизационных и национальных аспектов демографического развития решались в пользу национальных интересов России.

Примечания

1. Ломоносов М.В. О размножении и сохранении русского народа. // М.В. Ломоносов. Избранные философские произведения. М., 1950. С. 598-614.

2. Ковалевский М.М. Современные социологии. П., 1905.

3. Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. 1. М., 1898.

4. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / пер. с фр. Изд. 2-е, стереотипное. М., 2007.

5. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / пер. с фр. Изд. 2-е, стереотипное. М., 2007.

6. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Л. Моргана. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21. С. 23-178.

7. Тахтарев К. М. Социологические труды. Вст. статья, составление А.О. Бороноев. СПб.: РХГА, 2006.

8. Тахтарев К. М. Там же.

9. Тахтарев К. М. Там же.

10. Тахтарев К. М. Там же.

11. Тахтарев К. М. Там же.

12. Тахтарев К. М. Там же.

13. Тахтарев К. М. Там же.

14. Тахтарев К. М. Там же.

15. Тахтарев К. М. Там же.

16. Сорокин Питирим. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. СПб., 2009.

17. Сорокин П.А. О русской общественной мысли. СПб., 2000.

18. Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003.

19. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

20. Ленин В.И. Статистика и социология. // В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30. С. 349-356.

21. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М., 1993.

22. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

23. Столбов В.П. Сельская социология П.А. Сорокина: социологическое эссе // Санкт-Петербургский ежегодник. 2009. СПб., 2009.

24. Карлсон А. Общество – Семья – Личность: Социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход. М., 2003.

25. Карлсон А. Там же.

26. Карлсон А. Там же.